

Жил-был поп. Лоб у него был вполне нормальный, волосы собраны в хвостик. На пресвитерской бороде виднелись седые отметины — шрамы искушений, на иерейском животике — последствия съестных и прочих утешений. Впрочем, поп, старался не впадать в крайности, не хватать лишку, одним словом, не перебарщивать. Для этого у него имелся тонкий слух, который улавливал тихий голос совести.

Прихожане его называли батюшкой, священники — батей, епископы — отцом. У него была супруга и, как водится у многих нынешних отцов, трое детей. В одной упряжи с женой он исправно тащил церковную борону по полю жизни. На место настоятеля не метил, во время архиерейской службы норовил затеряться среди наградных крестов и фелоней.

Кроме прихожан, храм посещали захожане. Одни рьяно устремлялись в очередь на исповедь, другие — к подсвечникам. Случались, конечно, и заплыване, и залетане, био-псевдо-и прочие

энергетики, люди с тремя глазами и просто сумасшедшие, таких, правда, было немного. Каждый требовал соучастия, одобрения. Но батя не всегда постигал смысл изреченных глаголов.

Некоторые прихожане изъяснялись на храмовом диалекте. Жадность именовали сребролюбием, корысть — мшелоимством (отца всякий раз подмывало спросить что-нибудь о ловле мышей) и четко отличали чревоугодие от гортанобесия.

Хуже всего дело обстояло с потомственными целителями-магами, шаманами-ведунами, с бубнами и без оных. Казалось, он говорит с марсианами. То, что абхутараджасы — это представители пятой Манвантары, трогало мало, да и «яму» от «хари» он отличать не собирался.

Тонкий поповский слух при этом страдал. Птицей небесной бился он в чащобе вербальных хитросплетений и ранил крылья. Когда стрелка терпимометра зашкаливала, батя собирал наскоро снасти, палатку и укатывал на электричке в тайгу доставать из воды пескарей.

В очередное воскресенье он чмокнул матушку в щеку, благословил семью и направил стопы подальше от города. В рюкзаке покоились два часослова: Рильке и честных монастырей.

Все сразу пошло не так. Электричка долго стояла на путях, ждала скорый; солнечное утро сменилось пасмурным днем; а когда отец жадно вдохнул запах сосен, зарядил дождь. Промокший, голодный, усталый едва доплелся до места. Кашеварил уже в темноте. Переодевшись в сухое, полез в спальник. Тут его и остановил тихий голос совести:

— А повечерие?

— Ты о чем? Какое повечерие?

— Ну, хотя бы малое.

— Слушай, я зверски устал. Пусть будет считаться, что я молился ногами.

— Ногами, — хмыкнул голос, — молятся в крестных ходах. Незачет!

— Вообще-то в Писании сказано: «Господь долготерпелив и многомилостив», — оправдывался батя. — Псалом сто второй, кажется.

— «В надмении своем нечестивый пренебрегает Господа: не взыщет», — парировал голос. — Псалом девять, стих двадцать пять.

— А как же «будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»? Это, между прочим, Новый Завет.

— Хватанул, однако! Ну так получи: «...ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его». Матфей, шестнадцать, двадцать семь.

Они бы еще долго перепирались, но у бати с каждым словом тяжелели веки. Наконец, он поскорю прочитал Серафимово правило, по-иерейски осенил палатку и провалился в сон.

Дождь монотонно стучал по листьям. Но с каждым ударом сон истончался. Когда стал тоньше волоса, батя услышал треск веток — три медведя вышли из чащобы. Неспешно расположились перед входом.

— Голодно, мне голодно! — простонал громко первый медведь, воздевая когти к небу.

— Кто сидел на моем бревне и сдвинул его? — завизжал второй.

— Есть или не есть, вот в чем вопрос, — молвил третий задумчиво, сложив лапы на груди.

Батя лежал, боясь пошевелиться. Сил поднять десницу для крестного знамения — не было.

— Начнем! — взвыл первый медведь. — Herr: es ist Zeit.¹

— Pereat mundus et fiat justitia², — подхватил второй.

— Тварь ли я дрожащая... — начал было третий, но его резко осадили: — Уймись. Тоже мне, Атта Тролль нашелся.

Тени надвинулись на палатку. Затрещала ткань...

— Как тебе плоды твоих потуг? — спросил голос совести.

— Но ведь я молился! Как же так? — вскричал поп... и проснулся.

Вовсю палило солнце, щебетали птахи. В палатке было душно, майка прилипла к телу. Батя выдохнул, перекрестился, улыбнулся. Выбрался из палатки и... замер. Кусты поломаны, трава измята, бревно, с которого он обычно рыбачил, сброшено в реку.

На перекате весело плескались пескари.

---

¹ Herr: es ist Zeit (нем.) «Господь, пора». Р.М. Рильке.

² Pereat mundus et fiat justitia (лат.) «Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие».